

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 330.8

DOI: 10.26456/2219-1453/2022.4.261–276

«В ЛОВУШКЕ ПОЗИТИВНОСТИ»

Презентация монографии Валерия Петровича Федорова
«ОБЩАЯ ТЕОРИЯ СТИМУЛОВ»

Л.А. Карасёва

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь

26 октября – 27 октября 2022 г. в Тверском государственном университете (Институт экономики и управления, кафедра экономической теории) состоялась II Международная научно-практическая конференция: «СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАЕКТОРИЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ: категорический императив бытия во времени и пространстве», посвящённая Международному году фундаментальных наук-2022 и 90-летию кафедры экономической теории Тверского государственного университета. В рамках ее прошла Презентация книги В.П. Федорова «Общая теория стимулов». В данном материале представлена 1 часть реферативного обзора Книги, цель которого – обратить внимание научной общественности на интересную работу, в которой сделана попытка предложить расширение предмета экономической теории. Обзор состоит из анализа трех первых глав, имеющих принципиальное отношение к пониманию пути прихода к выдвигаемой В.П. Федоровым гипотезе *мультимодального синтеза как направления развития экономической науки*. Выбор для презентации формы реферативного обзора методологически обусловлен необходимостью сохранения авторской актуализации и технологии обоснования возврата к «сотрудничеству» экономической теории и философии для проблематизации и выработки методологии, адекватной требованиям к теории, выдвигаемым современным состоянием хозяйственных систем. Одновременно – связан с желанием обратить внимание читателей на скрупулезный и квалифицированный анализ В.П. Федоровым научных источников, авторов разных научных направлений и школ при сохранении рамок предмета исследования, с представлением всякий раз критерия их сопоставления.

Ключевые слова: *дихотомия позитивности и нормативности, ловушка позитивности, гипотеза мультимодального синтеза, императивно-должная (нормы) реальность, диспозитивно-должная (стимулы) реальность, расширение предмета экономической теории.*

Экономическая теория сегодня переживает сложные времена. С одной стороны, она продолжает быть одной из самых авторитетных общественных наук, активно участвуя в глобальных процессах управления в качестве теоретической платформы и разностороннего

набора научно-теоретических школ, которые предлагают конкурирующие рекомендации для действующих политиков. С другой стороны, разрастаются как внутренние, так и внешние упреки теории в её непрактичности, оторванности от злободневных проблем и самых острых вызовов истории. Эту «эпистемологическую ситуацию, когда ради внешне заданных и «зауженных» стандартов научности происходит сознательное ограничение предмета, в результате чего наука оказывается не готовой соответствовать резко изменившимся запросам практики», автор характеризует метафорой «ловушка позитивности» [5, с. 49]. Обозначенное противоречие заставляет вернуться к методологическим основам науки. Анализируемая монография как раз и реконструирует методологическую историю «политической экономии – Economics» в фокусе её практической функции, справедливо полагая, что практичность является ключевой характеристикой продуктивной теории в принципе. Именно поэтому и данный материал вслед за автором озаглавлен нами как «В ловушке позитивности».

Появление монографии является интересным событием потому, что она необычна по своему названию «Общая теория стимулов». Давно в наших дискуссиях не было разговоров на эту тему, данная проблема как-то вышла из поля зрения ведущих ученых. Уже этим книга чрезвычайно актуальна. *В книге стимул превратился в одну из центральных категорий экономического анализа.*

Хотелось отметить и еще одну особенность появления Книги. Ее автор – Валерий Петрович Федоров – не только бывший преподаватель кафедры политической экономики и проректор Тверского государственного университета (тоже бывший), не только ученый и преподаватель МГИМО (действующий), но и практик, который в 90-е гг. XX столетия своими руками и талантом, будучи заместителем Главы Тверской области, возглавляя Комитет по управлению имуществом, Счетную палату и проч., внес грамотный и осмысленный вклад в реформы 90-х–2000-х гг., не говоря уже о его практической работе в качестве одного из руководителей г. Липецка, а затем и крупной кампании. Поэтому и обращение к этой теме у В.П. Федорова не случайно. И если практик обратился к ней, значит почувствовал не только теоретическую, но и ее практическую актуальность.

Первый том монографии включает в себя две части: часть 1 «Контекст» и часть 2 «Субъект». Эти части образуют методологическое ядро всей книги. Авторские 3 часть «Нормы» и 4 часть «Стимулы», находящиеся пока еще в работе, будут практическим и иллюстративным завершением монографии. Но и первый опубликованный том является вполне законченным фрагментом Книги, который формирует целостное впечатление об этой работе.

Лучше, чем автор, не представит ключевые идеи Книги, поэтому я обозначу наиболее важные ее моменты, как один из ее рецензентов, естественно обращаясь к тексту автора.

Теоретическая актуальность обосновывается прежде всего тем, что, цитирую: «С одной стороны, экономическая наука признает очевидную важность категории «стимул» для описания параметров сознательной и целеполагающей деятельности хозяйствующих субъектов. С другой стороны, стремясь к конкретности знания, теоретики не столько анализируют нюансы мотивации субъекта, сколько объективное воплощение этих мотивов – материальный и институциональный мир богатства во всем многообразии его форм, типов, этапов и процессов, вариантов воплощения и проявления» [5, с. 6]. То есть речь идет о косвенном их измерении – через многообразие объективного отражения субъективного мира – посредством множества «стоп-кадров» – можно уловить и познать его реальное содержание.

Но!!! Автор акцентирует внимание читателей: «нельзя один раз и навсегда описать систему мотивации субъекта и «заложить» её в фундамент здания экономической теории... По мере роста и развития экономики происходит не только усложнение структуры производства, разделения труда, капитала и т.п., но и усложнение структуры хозяйствующих субъектов, и дифференциация структуры их мотивации» [там же, с. 6–7]. Другими словами, познание вынуждено исследовать эти процессы и с точки зрения *динамики мотивов и стимулов*. Особенно это важно в долгосрочном периоде, подчеркивает автор. Тем самым, с необходимостью ставится вопрос о развитии самой системы стимулов (актуальна сама постановка вопроса В.П. Федоровым), актуализируется *субъектный подход в экономико-теоретическом анализе*.

Здесь важно еще подчеркнуть, что без функционирования, нет развития, поэтому представляется весьма важным и исследование процесса становления нового качества в системе стимулов.

Обратим внимание на еще один важный момент работы. Ставя методологически субъектный подход на первое место, для нас принципиально, что автор актуализирует процесс принятия и реализации решений хозяйствующими субъектами, что находит отражение в безграничном информационном потоке «прямых и обратных связей, формирующих реальность» [там же, с. 8]. Автор подчеркивает: «Сам способ существования экономики заключается в постоянном продуцировании его субъектами информационных сигналов» [там же]. **Именно эти кванты автор называет стимулами. То есть то, что может быть, а может и не быть... «ядро модальной структуры рыночной экономики, источник ее энергии и динамизма»** [там же]. ***Взгляд под этим углом – углом модальности – предпринят впервые.***

Глава 1 первой части работы «Парадоксальная дилемма: научность versus практичность» посвящена анализу истории

политической экономии в фокусе её практической функции от XIX века прошедшего «под знаком безапелляционных практических притязаний политической экономии [5, с. 10–11] до XX века, когда экономическая теория, которая «по мере своего развития столкнулась с парадоксальной дилеммой: прогресс в научности анализа потребовал смещения в область условной реальности». Эта парадоксальность зачастую воспринимается как непрактичность теории [там же, с. 27].

На основе проведенного анализа автор приходит к двум выводам. Во-первых, «для теоретического мейнстрима непрактичность – и реальная, и мнимая – стали значительным научным вызовом, который «подпитывает» многогранную научную дискуссию, которая пока не принесла вполне удовлетворительного результата. Эта же парадоксальность является главным стимулом альтернативных доктрин, которые продемонстрировали значительный критический потенциал, но не сумели стать вполне убедительными в своих положительных программах» [там же]. Во-вторых, «можно предложить формулу корректировки ряда методологических основ экономической теории, которая позволит, бережно сохранив несущий каркас науки, развернуть её к реальной действительности, переформатировав, в том числе, её целевую задачу на эффективность практики хозяйствования. Эту корректировку можно было бы охарактеризовать как синтез на основе модального расширения предмета экономической теории или – короче – *мультимодальный синтез*» [там же, с. 28].

Сформулировав гипотезу, В.П. Федоров ставит вопрос о формуле этого синтеза, определяет ее ключевые элементы:

1. «Экономическая теория – особая, а не (почти) естественная наука.
2. Отказ от дихотомии позитивности и нормативности.
3. Сохранение категориального ядра неоклассической теории.
4. Модальное расширение предмета экономической теории.
5. Целевая задача науки – не предсказания, а эффективность» [там же, с. 27].

Логика развития содержания этой главы отражена в ее опорных пунктах: «*Два века*» [там же, с. 10–13], «*Особенная наука*» [там же, с. 13–19], «*Альтернатива: новая «австрийская школа»*» [там же, с. 19–22], «*Альтернатива: новый институционализм*» [там же, с. 22–25], «*Гипотеза расширения предмета*» [там же, с. 25–28].

Следует обратить внимание читателей на то, что, четко понимая необходимость исчерпывающих доказательств сформулированной гипотезы расширения предмета экономической теории, автор переходит к рассмотрению граней «проблемы позитивности и в историческом, и в логическом контексте» [там же, с. 28]. Историческому аспекту данной проблемы посвящена **Глава 2** «Ловушка позитивности: становление догмы». Ключевой вопрос, на который нужно искать ответ в ней: «как практически ориентированная отрасль знания по мере становления и обособления своего предмета сознательно дистанцировалась от

практики ради научности своего статуса? [5, с. 29]. Начиная анализ со сдвигов в методологии английской школы, представленной философом-утилитаристом И. Бентама и успешным финансистом Д. Рикардо, заканчивая Нассау Сениором, В.П. Федоров подытоживает пункт 1 этой главы *«Утилитаристы и политэкономы»* [там же, с. 29–32] следующим выводом: «Ранее условность и противоречивость теоретических предпосылок и аргументов Адама Смита «прощали» и смягчали как раз эмпирическое содержание и практическая направленность его текстов. «Богатство народов» было синтезом аналитического и эмпирического, абстрактного и конкретного, позитивного и нормативного. Давид Рикардо «подсушил» тексты, создав привлекательный научный стандарт строгой аналитики с формулировкой итоговых «объективных» законов–тенденций. Иеремия Бентам предложил принципиально иной вектор аналитики и иной стандарт: сознательное нормативное проектирование. Нассау Сениор зафиксировал это расхождение и дал ему имя, *выдвинув идею разграничения экономической теории как науки и практических советов по вопросам экономической политики как искусства управления* (выделено нами)» [там же, с. 32].

Следующий этап (пункт 2 второй главы) *«Эмпиризм и позитивизм»* в историческом анализе проблемы позитивности [там же, с. 33–37] связан, по мнению автора, с двумя именами – Огюста Конта, автором основного труда философии позитивизма *«Курса положительной философии»* и Джона Стюарта Милля. Анализ влияния взглядов родоначальника позитивизма на английскую политэкономия заканчивается авторской оценкой вклада каждого в обсуждаемую в главе проблему:

1. «...в «Системе логики» Милль, внешне солидаризуясь с позитивизмом Конта, существенно скорректировал его методологию познания, отстоял приоритет метода прямой дедукции, выделил специфический предмет политической экономии из декларируемой к написанию общей социологии, дифференцировал логику науки и логику искусства (практики), что и позволило именно работе Милля стать наиболее авторитетным логическим трактатом середины XIX века...

2. «...позитивизм Конта остался пусть яркой, с проблесками гениальных идей, но лишь декларацией о намерениях. Социология будет в последствии создана, но уже не как контовский интегральный проект, а как отдельная общественная наука со своей специфической методологией» [там же, с. 37].

Логическим продолжением этих оценок является внимание В.П. Федорова в пункте 3 этой главы *«“Позитивный” канон»* к работе Милля *«Основы политической экономии»* (1848 г.). По мнению автора, этой работе «суждено было стать эталоном для политэкономов на почти полвека» [5, с. 37]. Это объясняется тем, что «дистанцирование от утилитаризма Бентама и позитивизма Конта привело к двоякому результату. С одной стороны, политическая экономия оказалась

окончательно конституирована как самостоятельная и, пожалуй, самая авторитетная общественная наука. С другой стороны, она была вынуждена дистанцироваться от практики, прежде всего в той её части, где выдвигались и обсуждались мировоззренческие, институциональные и процедурные инновации» [там же, с. 39].

Пункт 4 второй главы является своеобразной отправной точкой развития содержания Книги, поэтому, видимо, автор и назвал его «Развилка» [там же, с. 39–41], «на которой научный поиск мог пойти существенно разными путями»: «...с одной стороны, дистанцирование от политики означало отстранение от практики. С другой стороны, можно было допустить, что эта идея просто дифференцировала практику, выделяя – применяя терминологию того времени – её естественное ядро и субъективно инспирированные напластования» [там же, с. 39].

Одновременно формулировка дихотомии формировала «карту» рисков её развития: «...теория, построенная на условных предпосылках и обособленная от субъективной нормативной практики, с высокой вероятностью должна была столкнуться с риском абсолютизации статики в ущерб динамике, воспроизводства в ущерб развитию, рутины в ущерб инновациям. И с очень высокой степенью вероятности должна была произойти абсолютизация *status quo* в ущерб проблематике исторического развития экономических систем» [там же].

Тогда обосновано автор рассматривает альтернативные варианты движения содержания экономической теории в рамках обозначенной дихотомии. Естественно было начать с публикации первого тома «Капитала» К. Маркса (1867), в котором трудовая теория стоимости, будучи достроенной «до теории прибавочной стоимости, ... категорически не принимала дихотомию позитивной теории и нормативного управления и концентрировала свои усилия как раз на открытии законов движения капиталистической экономики, отказываясь считать этот строй вершиной социальной эволюции» [там же, с. 40].

В.П. Федоров не мог обойти вниманием и «перезагрузку» немецкой исторической школы. По мнению автора, «глава новой исторической школы Густав Шмоллер инициировал активизацию критики рикардизма. Научной модой в Германии стал призыв «Назад к Канту!», который охарактеризовал становление неокантианства как философской альтернативы и позитивизму английской политической экономии, и материалистически переосмысленному гегельянству Карла Маркса» [там же, с. 40]. Новая историческая школа стояла на позиции проведения экономического анализа в единстве с анализом права, обычаев, морали и др.

Наконец, семидесятые годы XIX века преподнес своеобразный прорыв в виде маргинальной революции. Субъективная теория ценности «как суть революционных инноваций плохо корреспондировала как с декларируемой позитивностью теории, так и с её конечной практической ориентацией». И далее «акцент на субъективной полезности австрийцев также смещал вектор теории в

сферу психологизма. Теория общего равновесия Вальраса «разворачивала» науку от многословной беллетристики (где как раз обсуждались в том числе и практические следствия теории) к чистой теории на основе математики» [там же, с. 40–41].

И в качестве подготовки к следующему 5 пункту второй главы «*Methodenstreit*» [там же, с. 41–43] авторский вывод о том, что «... внешнее усугубление абстрактности дедуктивной традиции разрушило устоявшееся равновесие со сторонниками эмпирического подхода к экономическому анализу и привело к обострению отношений с немецкой исторической школой» [там же, с. 41]. В рамках данного пункта достаточно изящно В.П. Федоров расставляет акценты дискуссии между Карлом Менгером и Густавом Шмоллером: «суть спора была о сравнительной научной ценности и продуктивности абстрактно-дедуктивного и историко-этического, эмпирического подхода к исследованию экономики» [там же, с. 42]. Почему это пункт важен автору? Потому, что этот спор «открывает ещё одну грань противоречия научности и практичности, в рамках которого экономическая теория настойчиво уточняла специфику своего предмета и метода весь XIX век. ... Фокус внимания австрийцев был не на изящной до гениальности, но статичной модели общего равновесия, а на движущих мотивах капиталистического прогресса, на источниках его динамики. ... Возможно, что эмоциональный фон дискуссии заслонил тематику динамики, стимулов и форм развития капитализма» (выделено нами) [там же, с. 43].

Так как к концу XIX века заявила о себе в полной мере марксистская альтернатива, тем самым неизбежной стала дискуссия неоклассической и марксистской школ. Появляется в книге 6 пункт с загадочным заголовком «*Карточный домик марксизма?*» [там же, с. 43–45]. Название отражает первый этап этой дискуссии Ойгена фон Бём-Баверка, который опубликовал в 1896 году книгу «Критика теории Маркса» в ответ на публикацию Ф. Энгельсом 3 тома «Капитала» (1894 г.). «С позиции авторитетного специалиста в теории капитала и процента он скрупулезно проанализировал сквозную логику всех томов «Капитала» и пришел к выводу о её фундаментальных противоречиях и ошибках. Его вердикт сводился к тому, что научное творчество Карла Маркса – это карточный домик» [5, с. 43–44]. Знак вопроса – реакция автора на вывод Бём-Баверка: «...на основе выявленного реального (или мнимого) противоречия между первым и третьим томами «Капитала» ... эта критика усилила оппортунистическое крыло в социал-демократии. Но в целом она была не адекватна ни сути проблемы, ни уровню оппонента» [там же, с. 44].

Позиция же В.П. Федорова состоит в том, что «сильная (политически привлекательная) сторона марксизма состояла в динамичности доктрины, апелляции к выявленным законам развития общества, в пристальном внимании к реальным процессам в развитии институциональных структур современного капитализма и в готовности

немедленно трансформировать это знание в политическую практику. Слабая же сторона была в отсутствии реального понимания, как будет функционировать гипотетический социализм, в надежде, что объективный ход истории подскажет конкретные формы социалистической организации, т.е. в возможном утопизме доктрины» [там же].

Поэтому неслучайна отсылка автора к работе австрийского экономиста Людвиг фон Мизеса, в которой был сделан «вывод о невозможности рационального хозяйственного расчета при социализме», вызвавшей шок у научной общественности и приведший к осязаемому кризису социалистической идеи у европейских интеллектуалов и серьезному практическому смещению политического спектра послевоенной Европы в сторону либеральных ценностей [там же]. Значение вклада Людвиг фон Мизеса в исследовании «ловушки позитивности» В.П. Федоров видит в том, что «своим трудом Мизес на практике опроверг позитивистскую догму о невозможности научного анализа должной реальности» [там же, с. 45].

Наконец, крайний пункт второй главы, исторического анализа становления догмы – «*В ловушке*» [там же, с. 45–49] – подводит итог и формулирует выводы, готовящие переход к логическому исследованию поставленной автором проблемы. Конечно же подвести итог развития экономической теории в XIX веке невозможно было без анализа вклада А. Маршалла, автора книги «Принципы экономической науки» [3], а позднее книги «Экономика промышленности» [9]. Идеи А. Маршалла достаточно известны, поэтому отметим только авторский взгляд на его значение в развитии метода экономической теории: соотношение их тематики «лучше всего характеризуется такой парой категорий как теория и прикладная экономика. ... Маршалл находился в одном шаге от идеи расширения предмета экономической теории. Но его представления о единстве теории и практики остановились на идее их «рядоположенности» и взаимном влиянии» [5, с. 46]. И далее: «по прошествии времени, методологический подход Маршалла получит достаточно критичную оценку со стороны авторитетных коллег по цеху, таких как, например, Пол Самуэльсон, который в середине XX века заместит «Принципы» своими «Основаниями» в качестве канона для экономической теории» [5, с. 47]. Для Федорова В.П. в рамках предмета исследования важен итог: «Противоречивость стремления быть одновременно и позитивной, и реалистичной наукой к концу века стала проявляться всё отчетливее... Дистанция между позитивной теорией и нормативной практикой оказывалась чрезмерной» [там же, с. 47–48].

Итог Главы 2 представлен рядом выводов:

1. «... нормативная ориентация на позитивность предопределила установку на тотальную объективизацию предмета науки с отнесением реальной субъективности экономических акторов на поправку *ceterisparibus*» [там же, с. 48].

2. «Эта ориентация позволила за относительно короткий исторический период создать развитую науку, с непротиворечивым аналитическим аппаратом, высокими стандартами научности и способностью быть теоретическим ядром бурно развивающейся системы экономического знания» [там же].

3. «Эта же ориентация обусловила вынесение за границы науки всей вторичной, институциональной субъективности, которая имеет место в экономической жизни. вне предмета позитивного ядра политической экономии оказались нормы и правила управления, проекты институциональных инноваций, глобальные идеи развития экономических систем» [там же].

4. «Эта научная «диета» привела к абсолютизации statusquo, преобладанию в анализе статики над динамикой, относительной переоценке стихийных импульсов развития по сравнению с сознательным нормативным творчеством» [там же].

5. «В итоге, в ситуации катастрофического изменения параметров экономической жизни в начале XX века экономическая теория оказалась не вполне готовой принять исторический вызов, продемонстрировав свою относительную непрактичность – ловушку позитивности» [там же].

Последующее знакомство с работой показывает, что она наполнена и важным философским смыслом, помогающим автору выработать собственный своеобразный методологический подход, опирающийся уже на философские споры вокруг позитивности. Так, **Глава 3** и названа: «Философские споры вокруг позитивности». Логически это оправдано, так как исторический аспект позитивистского выбора экономической теории подводил к необходимости его философского обоснования. Простой перечень названий пунктов этой главы показывает, как внутреннюю логику понимания того, почему, по мнению Ф.П. Федорова, в экономической теории допущена «фундаментальная логическая ошибка, которая декларировала ненаучность такой модальности как долженствование для экономической теории, что обособило теорию от практики, канонизировав стандарт анализа гипотетической реальности» [5, с. 69], так и нестандартность изложения ключевых идей спора. Приведем их: «*Логическая ошибка*», «*В поисках гильотины*», «*Скандал в философии*», «*Феноменология: нереализованная возможность*», «*Проблемы верификации*», «*От наивного к утончённому фальсификационизму*» [там же, с. 51–69].

Кто знаком с историей экономической и философской мысли, тому понятно, кто и что стоит за этими названиями, и почему в содержании этой главы. Тем не менее, в контексте предмета исследования, важно проиллюстрировать подход автора, например, на содержании ряда пунктов. В рамках первого пункта «*Логическая ошибка*» появляется имя Джона Невилла Кейнса с его книгой «Предмет и метод политической экономии» (1891 г.), чье имя связывается с методологическим завершением викторианской эпохи [2, с. 177].

Самым важным углублением анализа, по мнению В.П. Федорова, «стало философское осмысление дихотомии как разделение предметов позитивной науки на изучение *сущего* и нормативной науки на изучение *должного*» [5, с. 51]. «...Позитивное стало трактоваться как сущее, а нормативное – как должное. Факты экономической жизни – это сущее... Но вот верно ли обратное утверждение? Можно ли свести сущее исключительно к фактам?...А можно ли должное свести исключительно к нормативному? И почему только должное? Почему структура модальности представлена только этой гранью? Итак, продолжает автор, «здесь он допустил логическую ошибку. ...» [там же, с. 52–53]. И далее вывод: «Экономическая теория априорно ограничила себя сущей модальностью... потенциально продуктивная научная интерпретация семейства таких модальных категорий, как нормы и стимулы оказалась невозможной. За рамками предмета политической экономии в этом случае выводится важнейший пласт отношений, связанный со стимулами» [там же, с. 54].

Во втором пункте «*В поисках гильотины*» всплывает имя Дэвида Юма, «в философии которого стали искать историческую опору, авторитетный первоисточник идеи о дихотомии должного и сущего. В результате была сформулирована позиция, которую потом метафорично окрестили «гильотиной Юма» [8, р. 24]. При этом В.П. Федоров дает собственный комментарий этой метафоре. «Во-первых, формулировка логического разрыва между сущим и должным восходит к очень специфической (сегодня имеющей только исторический интерес) теории аффектов Юма, в которой он исключает разум из источников формирования нравственности... Следовательно, надо пристально следить, чтобы в сферу эмпирически, из аффектов возникающей нравственности не прокрался разум (а на самом деле – априорная метафизика) [7, с. 309–910]. И, во-вторых, и это по-настоящему важно! Дедукция должных суждений из сущих не невозможна, а просто требует специального объяснения. Образно говоря, сущее никому ничего не должно, а долженствование непосредственно не осуществляется. Нельзя, оставаясь в рамках строго научного доказательства, перескакивать от одного к другому без объяснения и обоснования характера логического перехода... Таким образом, у Юма это что угодно, но не гильотина» [5, с. 54–55]. В этом же пункте сделана вставка по развитию научного философского знания. «В интересующем нас аспекте» – пишет автор, «надо вспомнить, что с середины XX века получила развитие модальная логика, первоначально как деонтическая логика, или логика норм, а затем и её конкретные подразделы – логики оценок, предпочтений, логики действий, изменения, времени [4, с. 10]. В связи с этим появляются имена Л. Витгенштейна и Г.Х. фон Вригта. «Вригт внес существенный вклад в логическое обоснование антипозитивистского направления в философии» [5, с. 56]. И, по мнению автора, «направленность его концепции и её фундаментальная

значимость, как минимум, должны быть приняты во внимание современной методологией экономической науки» [там же, с. 56–57].

Важное значение для формирования гипотезы Книги имеет третий пункт «*Скандал в философии*», названного в соответствии с оценкой, данной Иммануилом Кантом скептическому эмпиризму Дэвида Юма. Ключевые идеи полемики Канта с Д. Юмом в рамках предмета исследования отражена автором в этом пункте и будет интересна читателю. Здесь же отметим, что, по мнению, В.П. Федорова наиболее значимо для дальнейшего развития содержания анализа поставленной им проблемы. Эта заочная полемика «позволяет нам предельно чётко увидеть философско-исторические истоки «водораздела», которые затем обособят английскую и немецкую традицию политической экономии и будут сказываться в методологических дискуссиях до сего дня. Если Юм выводил должествование за рамки науки, полагая, что оно является «троянским конём» спекулятивной (читай, религиозной) метафизики, то Кант отводил должествованию почётное место принципов, которые *apriori* определяют и делают необходимым (в отличие от эмпирически случайного компонента) все наше поведение. Более того, для Канта должествование является необходимой предпосылкой свободы. Ибо свобода по Канту – это *возможность отклоняться в реальном поведении от императивов должествования, так же, как и следовать им*. Для Юма же свобода – это минимизация должествования» [там же, с. 58].

Пункт четвертый «*«Феноменология: нереализованная возможность»* посвящен *развитию философии* после философского спора, оказавшего влияние на экономическую теорию с точки зрения «*существенных различий двух конкурирующих моделей капитализма*» [там же, с. 60], которое, по мнению автора, было *упущенной возможностью для обогащения методологии экономической теории* [5, с. 61] (выделено нами). Речь идет о работах Эдмунда Гуссерля. Как считает автор, «для экономической теории потенциальное практическое значение может иметь исходный тезис феноменологии Гуссерля – тезис об интенциональности сознания. Его суть состоит в том, что всякий акт сознания направлен на какой-то объект, а объект при этом становится частью этого акта, естественно не в качестве реального, физического объекта, а в качестве объекта интенционального», который «... – это особый мир, где объектам придается существенный для данного субъекта смысл, ранг и ценность» [там же].

Почему это важно для экономической теории и для ключевой идеи Книги?

Прежде всего потому, что это могло служить «*существенным потенциалом для более объемной, познавательно продуктивной постановки вопроса о соотношении объективного и субъективного*», что непосредственно значимо для «*дискуссии об обоснованности, границах допустимости и рациональности концепта homo oeconomicus*».

Экономическая теория могла опереться на идею интенциональности, чтобы избавиться от одномерности этой абстракции» [там же].

Кроме того, «...исключительное внимание, которое у Гуссерля отводилось субъекту, было бы чрезвычайно полезно экономической теории как исходный импульс к более сбалансированному представлению своего предмета, где абсолютно доминировали объективные формы» [там же, с. 61–62]. Наконец, «научное введение категории стимул в арсенал экономической теории невозможно без понятия интенциональности актов сознания» [там же, с. 62].

Заканчивая изложение своего отношения к научному потенциалу феноменологии как методу, В.П. Федоров обращает внимание экономистов на «...наиболее значительные имена последователей и преемников данного метода», выделяя «(в календарном порядке) Макса Шелера, Мартина Хайдеггера и Жана Поля Сартра. По любому, самому строгому счёту, эти философы вместе с их учителем – Эдмундом Гуссерля – образуют группу величайших вершин философии XX века» [там же].

«Проблемы верификации» так обозначен следующий – пятый пункт данной главы, посвященный проблеме процедуры подтверждения её гипотез, связанной с позитивистской самоидентификации экономической теории. По мнению автора, «... на «входе», на стадии предпосылок теорий экономисты были вынуждены «объясняться» по поводу их гипотетического, условно должного характера. На «выходе», на стадии предсказаний и объяснений они оказывались перед нормативно нагруженной практикой, не находя «чистых» позитивных фактов для проверки своих гипотез» [там же, с. 62–63]. Поэтому и возникла на рубеже веков необходимость логически обоснованных алгоритмов «верификации своих теорий», «новаций в формальной логике» [5, с. 63]. И В.П. Федоров включает в анализ логических исканий в первую очередь Людвига Витгенштейна, который дистанцировался от венских позитивистов, а «... с точки зрения практических запросов экономической теории поздний Витгенштейн может и должен рассматриваться как предтеча становления модальной логики» [там же, с. 63–64].

Дальнейший анализ проблемы связан с именем молодого австрийца Карла Поппера, работы которого были посвящены критике логического позитивизма. «Главная идея Поппера – обоснование смены принципа верификации на принцип опровержения (фальсификации) как метода проверки научной теории на истинность... ни один факт не может окончательно подтвердить истинность теории, зато некий факт может опровергнуть (фальсифицировать) теорию. И в этом случае представители науки должны быть настроены на смену (модернизацию) теорий» [там же, с. 65].

Эти идеи были поддержаны и развиты в последствии И. Лакотошем, его учеником и критиком, а также Милтоном Фридменом [6], суть доктрины которого «сводится к следующему

тезису: нереалистичность предпосылок экономических теорий не имеет значения. Главное – их предсказательная эффективность» [5, с. 65–66]. Для автора проведенный анализ в этом пункте вносит вклад в развитие содержания книги тем, что «... адаптированная Милтоном Фридменом философия науки Карла Поппера стала методологическим обоснованием для экспансии условного моделирования в экономической теории» [1, с. 178].

Итоговый пункт третьей главы «От наивного к утонченному фальсификационизму» отвечает на вопрос, поставленный В.П. Федоровым о том, «Решала ли методология Поппера – Фридмена «застарелые» проблемы позитивной теории?» и обоснование его же ответа – «...и да, и нет» [5, с. 66]. Автор подчеркивает, ссылаясь на Томаса Куна: «более пристальное внимание к концепции достаточно быстро выявило нарочитость идеи фальсификации. Она противоречила реальной практике развития научного знания», и «...на смену «наивного фальсификационизма» пришёл «утонченный фальсификационизм» [там же, с. 66]. Благодаря Имре Лакатошу, «который предложил новую доктрину ... Идея научно-исследовательских программ, предложенная Лакатошем, по мнению В.П. Федорова, «... была очень разумным методологическим компромиссом. С одной стороны, она не покушалась на доминирующую ортодоксию, не ставила под сомнение сложившуюся официальную иерархию научных школ. С другой стороны, она заведомо допускала плюрализм научно-исследовательских программ, причем ни как временную аномалию, а как перманентное состояние научного знания, настоятельно рекомендуя поддерживать новые идеи и программы» [5, с. 67].

Для Федорова В.П. данный вывод важен еще и тем, что «концепция научно-исследовательских программ подводит нас непосредственно к классическому марксистскому тезису о практике как критерии истины... Ведь «удручающая длительность» процесса критики программы требует как минимум её практической реализации, причем не в виде эпизодического эксперимента, а как долгосрочной практики. Только в этом случае можно представить накопление фактов об её реализации с оценкой их по априори выбранной шкале ценностей» [там же, с. 68]. В этой связи в качестве примера, автор приводит научно-исследовательскую программу марксистско-ленинской политической экономии социализма. Анализируя этапы и результаты ее реализации, Валерий Петрович констатирует: «... характер и природа фактов, которые должны были фальсифицировать теорию государственного социализма, менялись с течением времени. И только тогда, когда баланс стимулов окончательно сместился в отрицательную зону, когда совершенно улетучился энтузиазм и был свёрнут, и забыт страх, а базовые, элементарные стимулы не трансформировались в необходимый, конкурентоспособный с капитализмом уровень заинтересованности, только тогда закончился процесс исторической оценки научной гипотезы государственного социализма» [там же].

И если с этим тезисом мы согласны, то последующий за ним вывод автора о том, что «... более точной характеристикой будет констатация того, что именно практика строительства государственного социализма выявила и доказала неистинность марксистско-ленинской теории. В точном соответствии с классическим марксистским тезисом о практике как критерии истины» [там же, с. 69], не столь однозначен. Однако дискуссия по данному вопросу выходит за рамки данной публикации, цель которой обратить внимание научной общественности на интересную работу, в которой сделана попытка предложить расширение предмета экономической теории.

Заканчивая данную главу, автор подводит читателей к двум важным выводам, готовя их к серьезному историческому и логическому анализу предмета экономической теории:

1. «... мы можем выдвинуть достаточно обоснованную гипотезу, что позитивная экономическая теория в поиске научно-обоснованных алгоритмов верификации своих доктрин, стремясь дистанцироваться как от неокантианской по своим философским корням критики, так и от жестких требований логического позитивизма, оказалась «на расстоянии вытянутой руки» от марксизма, что вряд ли входило в её планы. Этот свободный «дрейф» указывает на отсутствие настоящего «якоря» – научно безупречного решения вопроса о специфике предмета экономической теории» [там же].

2. «С учётом того, что философское знание со времен легендарного «скандала в философии» ушло вперед, экономической теории целесообразно провести философскую инвентаризацию своей методологии с возвратом к оценке декларативного исключения долженствования из предмета теории. На наш взгляд эти усилия должны прежде всего привести к отказу от дихотомии позитивности и нормативности и дополнению предмета науки содержательным анализом субъекта и субъективности» [там же, с. 69].

Казалось бы, для презентации книги, такое подробное обращение к первым трем главам представляется несколько излишним, но для нас такое внимание к ним обусловлено тремя обстоятельствами. Во-первых, эти главы имеют принципиальное отношение к пониманию пути прихода к выдвигаемой В.П. Федоровым гипотезе мультимодального синтеза как направления развития экономической науки. Во-вторых, необходимостью актуализации и важности возврата к «сотрудничеству» экономической теории и философии для проблематизации и выработки методологии, адекватной требованиям к теории, выдвигаемым современным состоянием хозяйственных систем. В-третьих, через анализ этих трех глав нам хотелось обратить внимание читателей на то, что анализируемая работа не только опирается на скрупулезный анализ научных источников, авторов разных научных направлений и школ, а еще и является своеобразным образцом сохранения рамок предмета исследования с представлением В.П. Федоровым всякий раз критерия их сопоставления.

Подводя итог первой части презентации, отметим, что в следующем номере журнала мы попытаемся во второй ее части показать предпринятую автором уникальную для российского сегмента науки попытку анализа методологических проблем экономической теории как глобального научного феномена, что чрезвычайно важно для формирования самосознания российской экономической науки, которая пока часто грешит ученичеством. Читатель познакомится с неожиданным взглядом на развитие экономической теории и выдвижением интересного тезиса о расширении предмета экономической теории посредством включения в её орбиту исследования не только сущей, но и императивно-должной (нормы) и диспозитивно-должной (стимулы) реальностей. По мысли автора, это позволит отказаться от утопической для общественной науки цели предсказания неизвестных событий и позволит переориентировать её на исследование интеграционного процесса оптимизации системы норм и стимулов.

Список литературы

1. Блауг М. «Убедительно аргументированная статья Фридмена стала чрезвычайно удобной для целого поколения экономистов». Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. С. 178.
2. Кейнс Дж. Н. Предмет имеет од политической экономии. М.: Типография И.А. Баландина, 1899; «В своей замечательной книге «Предмет имеет одполитической экономии» Джон Невилл Кейнс...». – Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // В кн.: Философия экономики. Антология. [Текст]. М.: Изд. Института Гайдара, 2012. С. 177.
3. Маршалл А. Принципы экономической науки. ВЗ-хт. М.: Издательская группа «Прогресс», 1993.
4. Смирнов В.А. Предисловие // В кн.: Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования: Избранные труды. М.: «Прогресс», 1986. С. 10.
5. Федоров В.П. «Общая теория стимулов: монография. М. : КНОРУС, 2021. 218 с.
6. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // В кн.: Философия экономики. Антология. [Текст]. М.: Изд. Института Гайдара, 2012.
7. Юм Д. Исследование о человеческом разумении. М.: РИПОЛклассик, 2017. С. 309–310.
8. Black M. Marginsof Precision. Essays in Logic and Language. Ithaca: Cornell University Press, 1970. P. 24.
9. Marshall A. Industry and Trade. L.: Macmillan, 1919.

Об авторе:

КАРАСЁВА Людмила Аршавировна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории, Институт экономики и управления, ФГБОУ ВО «Тверской

государственный университет», (170100, Российская Федерация, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: karasevatvgu@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0717-8971, SPIN-код: 7173-0098.

**“TRAPPED IN POSITIVITY”
PRESENTATION OF THE MONOGRAPH BY
VALERY PETROVICH FEDOROV
“GENERAL THEORY OF INCENTIVES”**

L.A. Karasyova

FGBOU “Tver State University”, Tver

October 26 – October 27, 2022 at Tver State University (Institute of Economics and Management, Department of Economic Theory) the II International Scientific and Practical Conference was held: “SOCIO-ECONOMIC TRAJECTORY OF DEVELOPMENT OF RUSSIA: the categorical imperative of being in time and space”, dedicated to the International Year of Fundamental Sciences-2022 and the 90th anniversary of the Department of Economic Theory of Tver State University. As part of it, the Presentation of the book by V.P. Fedorov “General Theory of Stimuli” was held. This article presents the 1 parts of the Book's abstract review, the purpose of which is to draw the attention of the scientific community to an interesting work in which an attempt was made to propose an extension of the subject of economic theory. The review consists of an analysis of the first three chapters, which are fundamentally related to understanding the path to coming to the hypothesis of multimodal synthesis put forward by V.P. Fedorov as a direction for the development of economic science. The choice for the presentation of the abstract review form is methodologically determined by the need to preserve the author's updating and the technology for justifying the return to “cooperation” of economic theory and philosophy for the problemization and development of a methodology that is adequate to the requirements for the theory put forward by the modern state of economic systems. At the same time – associated with the desire to draw the attention of readers to meticulous and qualified analysis V.P. Fedorov scientific sources, authors of various scientific areas and schools, while maintaining the framework of the research subject, with the presentation each time of the criterion for comparing them.

Keywords: *positivity and normative dichotomy, positivity trap, multimodal synthesis hypothesis, imperative-proper (norms) reality, dispositive-proper (stimuli) reality, expansion of the subject of economic theory*

About the author:

KARASJOVA Ljudmila Arshavirovna – doctor of economic Sciences, Professor, head of economic theory Department, Institute of Economics and management, FGBOU VO “Tver State University”, (170100, Russian Federation, Tver, Zhelyabova street, 33), e-mail: karasevatvgu@yandex.ru